

СВЕТЛАНА ОКСАМИТНАЯ,

кандидат социологических наук, заведующая кафедрой социологии Национального университета “Киево-Могилянская академия”, старший научный сотрудник отдела социальных структур Института социологии НАН Украины

Социально-классовые основы образовательного неравенства в Украине

Abstract

The article deals with the trends of educational inequality in Ukraine among people of different class origins and age cohorts. The representative survey data confirm assumptions about deepening inequality of educational opportunities at the level of secondary and tertiary education for people of service class and working class origins in the post-soviet Ukraine.

Социальное неравенство в любом современном обществе содержит обязательную составляющую — образовательную. Образование приобрело значение социального ресурса, важного не столько как показатель образованности человека, сколько в качестве основного канала социального воспроизводства и социальной мобильности. Хорошо известно, что в течение XX века в социальной структуре, и прежде всего в структуре занятости экономически развитых стран произошли кардинальные изменения. Две основных категории занятых — наемные работники и собственники-работодатели всех уровней, включая самозанятых, — количественно поменялись местами, если сравнивать начало и конец прошлого века. В конце XX века около 70–80% занятых в индустриально развитых странах составляли именно наемные работники разных уровней квалификации физического и умственного труда, а не собственники и самозанятые, как это было в начале столетия. Образование, общее и профессиональное, постепенно превратилось в необходимое условие достижения позиций на рынке труда, где постоянно уменьшалась потребность в неквалифицированном труде и увеличивалась — в квалифицированном

ном, особенно умственном. Поэтому институт образования играет важную роль не только как один из основных факторов социализации индивидов, но и как посредник в процессе воспроизводства социального неравенства, расстановке индивидов в стратифицированном пространстве общества и изменения их социально-классовой принадлежности.

Применительно к современным обществам принципиально важным считается различие двух видов неравенства. Первый — это так называемое неравенство позиций (прежде всего позиций занятости), характеризующихся различными вознаграждениями, разным доступом к основным социальным ресурсам, таким как доход, престиж и власть. Второй общеизвестен как неравенство возможностей, то есть неравенство доступа к самим социально-классовым позициям. Социальная справедливость социального неравенства как разного вознаграждения за существенно разный труд, усилия, заслуги в целом не вызывает сомнений и возражений. Однако признается несправедливость неравенства возможностей. Именно доступность образования для всех способных и мотивированных считается в какой-то степени средством воплощения принципа равенства возможностей, меритократичности современного демократического общества. Своими достижениями и заслугами индивид прокладывает себе путь к образованию сверх общеобязательного минимума, получая доступ к соответствующим позициям в социальном распределении труда и классовой структуре общества. Как социологические, так и экономические теории образования признают, что справедливость доступа к образованию выражается в минимизации зависимости образовательных возможностей от социального происхождения и в максимизации их зависимости от способностей и усилий индивидов. В противном случае образование закрепляет и усиливает существующее социальное неравенство [1, с. 69]. Как пишет Х.Доманьский, “неравенство в этом плане тем больше, чем больше уровень образования зависит от “аскрипционных” качеств, остающихся “вне контроля”, таких как место воспитания, пол, а главное — происхождение, измеряемое по профессиональному статусу и образованию родителей” [2, с. 24].

Доступность всех уровней образования является предметом как идеологических споров, так и государственного законодательного регулирования, в котором воплощаются определенные идеологические принципы. Как отмечает П.Штомпка [3, с. 98], сторонники принципа меритократической справедливости требуют применения ко всем, независимо от социального происхождения, одинаковых универсальных критериев и, на практике, отказа от каких-либо мер и льгот, способствующих увеличению шансов на получение образования для тех или иных категорий населения. Приверженцы принципа равенства шансов, напротив, убеждены в необходимости реализации ряда мер, включая квоты, ради социальной справедливости и выравнивания возможностей тех, кому общество не может обеспечить одинаковые стартовые условия и условия накопления социально-культурного капитала.

С середины прошлого века западные исследователи постоянно отслеживают тенденции воспроизводства образовательного неравенства, доступности разных уровней образования для выходцев из всех социальных классов населения и приходят при этом к неоднозначным выводам. Одни считают, что, за отдельными исключениями, неравенство образовательных достижений среди детей разного социального происхождения не уменьшилось, а скорее оставалось весьма стабильным с начала XX века, несмотря на рост уровня ин-

дустриализации. Одной из причин такой стабильности считаются характерные для индустриальных обществ попытки уменьшить социальные препятствия для образовательных достижений выходцев из рабочего класса, но не уменьшать образовательных возможностей для выходцев из высших классов, поскольку небезосновательно считалось, что детям из высших классов в большей мере свойственны культурные и личностные характеристики, необходимые для получения высших уровней образования [4].

Другие исследователи находят эмпирические подтверждения тому, что за последние несколько десятилетий классовое неравенство уменьшилось во Франции, Германии и Нидерландах, но не в Ирландии и Британии [5]. Тем не менее все исследователи единодушно признают Швецию наиболее меритократическим обществом, в котором удалось найти убедительные доказательства длительного и стабильного уменьшения влияния социального происхождения на образовательные достижения. Швеция стала более открытым обществом, начиная с 1940-х годов, и образовательное неравенство продолжало уменьшаться вплоть до середины 1970-х годов. Это позволило исследователям предположить, что Швеция была единственной в то время страной в мире с наибольшим равенством возможностей. В 1980-х и 1990-х годах тенденция выравнивания возможностей сохранялась, но уже с гораздо более медленными темпами [6]. Даже когда результаты многочисленных исследований фиксировали некоторое уменьшение влияния социального происхождения на образование, все равно доминировала тенденция определяющего влияния профессионального статуса и образования родителей (как правило, отца) на образовательные достижения детей.

Известный немецкий социолог Ульрих Бек обращает внимание также на новую негативную функцию образования — утрату шансов в системе занятости. Наличие у человека относительно более низких уровней образования лишает его возможности быть востребованным на рынке труда, материально обеспечивать себя и свою семью. Как отмечает Бек, “в последней четверти XX века одного только аттестата основной школы все менее достаточно, чтобы посредством рынка труда обеспечить материальное существование. На примере основной школы видно, что “образование” — тот же классический признак приобретенного статуса — может исторически осуществить обратное превращение в признак квазиаскриптивный: основная школа распределяет отсутствие шансов и как образовательная институция грозит, таким образом, сделаться стеной гетто, за которой окажутся навсегда изолированными низшие статусные группы, обреченные на постоянную безработицу (и соответственно на социальную помощь). Развитое общество образования порождает в этом смысле новую, парадоксальную “квазинеграмотность” низших образовательных групп” [7, с. 227]. Поэтому образовательное неравенство чревато не только ограничением шансов на рынке труда, но и превращением в неравенство наследственное.

Там, где существует проблема не только социально-классового, но и этно-расового неравенства в доступе к образованию, значение влияния социального происхождения может отойти на задний план. Американский исследователь П. Сакс замечает, что из дискуссий в обществе исчезла тема равенства возможностей получения высшего образования. Слово “класс” стало бранным в политическом лексиконе. Тем не менее, как свидетельствуют исследования, в середине 1990-х годов в 146 наиболее престижных университетах США доля представителей национальных меньшинств достигала 22%, тогда

как доля выходцев из беднейших слоев населения среди студентов составляла всего 3%. В конце 1990-х годов в 28 ведущих университетах страны 80 из каждых 100 первокурсников имели родителей с университетскими дипломами, столько же — занимающихся интеллектуальным трудом [8, с. 55].

Анализируя образовательную ситуацию в постсоветских и постсоциалистических странах, исследователи обращают внимание на углубление образовательного неравенства в процессе перехода от одного политического и социально-экономического строя к другому [9–13]. Несмотря на рост общих показателей приема в высшие учебные заведения, снизилась их доступность для социально уязвимых групп, прежде всего детей из семей с низкими доходами [14]. Российские исследователи, со своей стороны, обращают внимание не только на общую тенденцию углубления образовательного неравенства, но и на то, что в России расслоение общества по уровню образования обнаруживает тенденцию становиться наследственным [15]. “Наше высшее образование уже стало классовым, — отмечает российский ученый О.Руткевич, — осталась лишь видимость того, что бюджетные места доступны для всех” [16, с. 107]. В Польше влияние социального происхождения на образовательные достижения было наиболее высоким в 1990-е годы, но позже снизилось до уровня, сопоставимого с ситуацией, отмеченной в начале 1980-х годов [2, с. 44].

Динамика образовательного неравенства по возрастным когортам

Образование как институт в постсоветской Украине также претерпело существенные изменения, по Конституции оставаясь бесплатным и общедоступным на всех уровнях. Результаты Всеукраинской переписи и переписи населения 2001 года зафиксировали тенденцию к повышению уровня образования населения, то есть увеличения количества людей, имеющих высшее и полное общее образование, на 17,6%, по сравнению с данными переписи 1989 года. Повышение образовательного уровня в целом характерно как для городского, так и для сельского населения. Количество имеющих полное высшее образование из расчета на 1000 человек в возрасте 10 лет и старше, увеличилось по сравнению с данными переписи 1989 года, в городах на 30,7%, в селах — на 68,8%. Соответствующую динамику имел показатель количества имеющих полное общее среднее образование, повышение составляло в городах 17,2%, в селах — 33,1% [17]. Однако эти весьма оптимистичные общие данные сами по себе не раскрывают основных факторов и тенденций подобных сдвигов. Мы не знаем, обусловлена ли эта позитивная динамика резким увеличением уровня образования среди самого младшего поколения граждан, или же произошла за счет естественного процесса завершения жизненного пути представителей самого старшего и соответственно наименее образованного поколения. Мы также не знаем, выходцами из каких социальных классов пополнились наиболее образованные категории и как распределялись шансы на получение высшего уровня образования среди детей, принадлежащих к семьям из разных социальных классов. Повышение общего уровня образования населения может сопровождаться как выравниванием возможностей, так и углублением социального неравенства.

Исследователи рынка труда в Украине убеждены, что “вопреки распространенному мнению и трудностям на рынке труда в стране существует

довольно тесная прямая связь между уровнем образования и материальным положением” [18, с. 135]. Эта связь проявляется прежде всего в том, что во всех секторах экономики по мере повышения уровня образования снижается риск потери работы, а высшее образование становится основным фактором конкурентоспособности на рынке труда и высоких заработков, о чем свидетельствуют значительно более высокие уровни занятости и благосостояния людей с высшим образованием.

По данным Государственного комитета статистики, в стране в течение последних 15 лет постоянно растет количество высших учебных заведений и соответственно обучающихся в них студентов. К тому же это происходит на фоне сокращения численности населения Украины и соответствующего сокращения количества выпускников средних общеобразовательных школ. Так, на начало 1990/1991 учебного года общее количество общеобразовательных учебных заведений составляло 21,8 тыс.; в них учились 7 млн 132 тыс. учеников. В начале 2004/2005 учебного года количество школ несколько уменьшилось — до 21,7 тыс., а количество учеников сократилось существенно — до 5 млн 731 тыс. В то же время за этот период количество высших учебных заведений III–IV уровней аккредитации возросло более чем вдвое: с 149 в 1990-м до 347 в 2004 году, а количество студентов в них, в начале 1990-х составлявшее 881,3 тыс., в 2004/2005 учебном году превысило 2 млн (2026,7 тыс.) [19]. Около ста высших учебных заведений III–IV уровней аккредитации в стране — заведения негосударственной формы собственности. Министерство образования и науки Украины считает крайне позитивной тенденцию увеличения приема в такие вузы за счет средств физических и юридических лиц, и этот показатель уже почти вдвое превысил количество “бюджетных” студентов [20]. Как эта позитивная тенденция сказывается на доступности высшего образования для выходцев из разных социальных слоев, данное министерство не сообщает. По мнению министра образования и науки Украины С. Николаенко, рост показателя численности студентов на 100 тыс. населения с 512 до 545 человек, что соответствует уровню развитых стран, безусловно, свидетельствует о расширении доступа к высшему образованию [21, с. 13]. Однако без внимания и необходимого профессионального анализа остаются тенденции распределения расширенных возможностей среди разных социальных категорий населения.

Таким образом, есть все основания утверждать, что доля имеющих высший уровень образования возросла не только среди населения страны в целом, но и среди младшего поколения взрослых граждан. Вместе с тем, учитывая, например, только официальные показатели постоянного увеличения количества беспризорных детей и подростков, распространение в Украине детского труда [22, с. 26], а также уровень обеспеченности общеобразовательными учебными заведениями сельских населенных пунктов (который, в частности, на начало 2000/2001 учебного года составлял 52%, и из-за отсутствия средних учебных заведений 38% сельских учеников не имели возможности продолжать обучение в 10-х классах по месту жительства [22, с. 22]), можно предположить, что количество индивидов с самыми низкими уровнями образования в постсоветский период увеличилось по сравнению с предыдущей возрастной когортой.

Процессы, происходящие в стране и в сфере образования в последние полтора десятилетия, дают определенные основания предполагать, что этот институт из фактора содействия равенству возможностей превращается в

фактор, обуславливающий социальную закрытость на полюсах образовательной, а соответственно и социальной иерархии. Очевидно, что роль института образования как “выравнивателя” возможностей уменьшается, поскольку углубляется неравенство доступа к средним специальным и особенно высшим учебным заведениям для индивидов разного социально-классового происхождения. Увеличение количества мест в высших учебных заведениях теоретически должно означать расширение доступа к высшему образованию для всех, но в действительности образовательное неравенство может как ослабляться, так и усиливаться. Отмеченные выше тенденции углубления образовательного неравенства в странах переходного периода не могли не коснуться Украины.

Для проверки наших предположений относительно тенденций динамики образовательного неравенства в постсоветский период использовались данные репрезентативного социологического исследования “Занятость населения Украины”, проведенного Киевским международным институтом социологии в 2003–2004 годах. Общее количество респондентов в возрасте от 18 до 75 лет составляло 8138. С целью сравнения всех опрошенных разделили на три возрастных когорты: 1930–1949 годов рождения, 1950–1972 годов рождения и 1973–1980 годов рождения (для выяснения уровня общего среднего образования верхний год рождения этой категории увеличивался до 1984 года). Среднюю возрастную когорту (1950–1972 годы рождения) условно можно назвать типичным советским поколением, для которого институт образования в определенной мере мог выполнять функцию выравнивания возможностей, поскольку существовала установленная государством система льгот для поступления в высшие учебные заведения (например, льготы для выпускников подготовительных факультетов, отслуживших в рядах Советской армии, лиц, уже имеющих трудовой стаж, выходцев из сельской местности и т.п.). Самое молодое поколение является постсоветским, для него время получения всех уровней образования совпало с периодом распада Советского Союза и началом существования Украины как независимого государства на фоне радикальных политических и социальных изменений.

Все возможные уровни полученного респондентами образования (в опроснике перечень содержал 12 позиций) для сравнительного анализа обобщали в 4 основных уровня: неполное среднее (включая 1–6 классы, 7–9 классы и начальное профессионально-техническое образование без общего среднего); среднее общее (включая среднее профессионально-техническое); среднее специальное; высшее (включая неполное высшее (не менее трех лет обучения в институте, университете, академии) и базовое высшее (степень бакалавра)).

По результатам исследования можем увидеть тенденции изменений в плане получения образования представителями разных возрастных когорт указанных уровней. В первой строке таблицы 1 приведено общее распределение опрошенных по уровням полученного образования. Далее таблица содержит данные относительно уровней образования представителей трех выделенных когорт. Самое молодое постсоветское поколение представлено дважды с верхней границей, охватывающей минимальный возраст получения высшего образования (1973–1980 годы рождения) и минимальный возраст получения среднего общего образования (1973–1985 годы рождения).

Таблица 1

Уровень образования населения в целом и по возрастным категориям

Возрастные когорты по годам рождения	Уровень образования, %				N
	Неполное среднее	Среднее общее	Среднее специальное	Высшее (полное/неполное)	
Всего 1930–1980 г. р.	20,7	39,6	21,3	18,4	7205
1930–1949 г. р.	35,4	31,2	18,1	15,3	2384
1950–1972 г. р.	11,7	45,2	23,9	19,2	3602
1973–1980 г. р.	18,5	39,5	20,0	22,0	1219
1973–1985 г. р.	17,9	46,0	17,0	19,1	1935

Результаты исследования подтверждают предположение об увеличении численности индивидов на полюсах образовательной иерархии среди самого молодого постсоветского поколения украинских граждан. Едва ли можно считать позитивным явлением статистически значимое увеличение количества молодых людей, не имеющих общеобязательного образовательного минимума — полного среднего образования. Если среди самой старшей когорты количество людей, за всю жизнь не получивших полного среднего образования, составляет 35,4%, то в следующем типично советском поколении таковых насчитывается втрое меньше — около 12%. А уже среди представителей самого молодого постсоветского поколения не смогли получить обязательного образовательного минимума почти 18% тех, кому на момент опроса исполнилось 17–18 лет, и тех, кто достиг 23-летнего возраста. То есть можем констатировать факт статистически значимого увеличения количества взрослых, выходящих на рынок труда, не имея даже аттестата о полном среднем общем образовании. Статистически значимо (с 45% до 39%) в постсоветской когорте, по сравнению с предыдущей, уменьшилось количество молодых людей, получивших полное среднее образование как самое высокое на момент опроса.

На другом полюсе образовательной иерархии, по данным исследования, советское и постсоветское поколения статистически значимо различаются по количеству представителей со средним специальным и высшим образованием. Относительно первого зафиксировано уменьшение уровня, а для второго — увеличение, несмотря на то, что самое молодое поколение ограничивалось минимальным возрастом получения высшего образования (22–23 года). Логично предположить, что через несколько лет это поколение еще ощутимее увеличит разрыв с предыдущим по количеству наиболее образованных индивидов.

Поскольку выделенное типично советское поколение является достаточно большим, охватывая родившихся с начала 1950-х и до начала 1970-х годов, может возникнуть сомнение, не начался ли процесс углубления образовательной поляризации и увеличения доли наименее образованных взрослых еще в рамках советского, а не постсоветского поколения? Чтобы подтвердить или опровергнуть это сомнение, обратимся к более детальному распределению респондентов по десятилетним когортам и сравним полученные ими уровни образования (табл. 2).

Таблица 2

Уровень образования по десятилетним когортам

Когорты по годам рождения	Уровень образования, %				N
	Неполное среднее	Среднее общее	Среднее специальное	Высшее (полное/неполное)	
1930–1939 г. р.	49,4	22,4	16,4	11,8	1128
1940–1949 г. р.	23,0	39,1	19,5	18,4	1256
1950–1959 г. р.	11,5	44,6	25,0	18,9	1647
1960–1969 г. р.	11,0	47,3	22,8	18,9	1515
1970–1980 г. р.	17,7	39,6	21,0	21,7	1660

Данные таблицы 2 четко демонстрируют, что общий образовательный уровень возростал среди родившихся в течение первых четырех десятилетий. На нижнем полюсе образовательной иерархии постоянно уменьшалась доля людей с неполным средним образованием, достигнув своего минимума среди когорты 1960–1969 годов рождения, на верхнем полюсе эта доля оставалась стабильной для представителей трех средних когорт. Существенное изменение действительно произошло для поколения, время образовательных достижений которого совпало с периодом распада СССР и становлением независимого украинского государства. В этот период наше общество и органы государственной власти, обеспечив более широкие возможности для получения высшего образования, не сумели сохранить устоявшуюся в предыдущие десятилетия тенденцию уменьшения и даже стабилизации доли наименее образованных граждан. Похоже, что действие принятого в стране закона “О всеобщем среднем образовании” по ряду причин не распространяется на весьма значительную часть молодежи, что вряд ли будет иметь позитивные социально-экономические последствия и может быть предметом всестороннего анализа со стороны соответствующих социальных институтов.

Известно, что неграмотность как социальное явление осталась в далеком прошлом в истории нашей страны. Количество относящихся к данной категории лиц кажется настолько мизерным, что не заслуживает упоминания. Это так, однако хотелось бы привлечь внимание к обнаруженной тенденции, касающейся долей неграмотных среди представителей разных возрастных когорт, рассчитанных по результатам Всеукраинской переписи населения 2001 года [23]. Среди лиц в возрасте 60–69 лет эта доля составляет 0,57%, 50–59 лет – 0,13%, 40–49 лет – 0,12%, 30–39 лет – 0,15%, 20–29 лет – 0,18%, а среди самой молодой категории детей школьного и раннего дошкольного возраста (10–19 лет) – 0,2% (в абсолютных цифрах это 14 961 человек). Хотя речь идет об относительно небольших для многомиллионной страны категориях людей, тем не менее имеем реальную тенденцию увеличения количества неграмотных в каждой последующей младшей когорте после минимального уровня неграмотности среди 40–49-летних на момент переписи, образовательными достижениями которых кроме семьи еще вполне могли бы заниматься социальные институты и организации советского государства.

Особенности исторического развития нашей страны в течение XX века обусловили массовое активное участие женщин наравне с мужчинами в

сфере занятости за пределами семьи и домохозяйства, начиная еще с середины столетия. Институт образования тоже был и остается в равной мере открытым как для мужчин, так и для женщин, не ограничивая по полу доступ в учебные заведения всех уровней. В итоге женщины по уровню образования уже несколько десятилетий назад догнали и обогнали мужчин. В таблице 3 приведены данные, касающиеся образования респондентов в разрезе трех когорт по полу.

Таблица 3

Уровень образования по возрастным когортам и полу

Когорты по годам рождения	Уровень образования, %							
	Неполное среднее		Среднее общее		Среднее специальное		Высшее	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1930–1980 г. р. в целом	20,7		39,6		21,3		18,4	
По полу	22,6	19,2	42,8	36,9	16,6	25,3	18,0	18,6
1930–1949 г. р. в целом	35,4		31,2		18,1		15,3	
По полу	35,0	35,8	32,8	29,9	15,2	20,3	17,0	14,0
1950–1972 г. р. в целом	11,7		45,2		23,9		19,2	
По полу	15,0	8,9	49,1	41,8	18,3	28,8	17,6	20,5
1973–1980 г. р. в целом	18,5		39,5		20,0		22,0	
По полу	22,6	14,3	42,2	37,0	14,2	25,7	21,0	23,0
1973–1985 г. р. в целом	17,9		46,0		17,0		19,1	
По полу	22,1	13,7	49,2	43,0	12,4	21,5	16,3	21,9

Лишь относительно самого старшего поколения можно говорить о несколько меньшей образованности женщин. В последующие десятилетия женщины не только догнали, но и опередили мужчин в конкуренции за получение среднего специального и высшего уровней образования. Для постсоветского поколения следует отметить существенную статистически значимую разницу между количеством мужчин и женщин, не получивших обязательного образовательного минимума (среднее общее образование). Каждый 4–5-й мужчина, достигнув совершеннолетия, остается без аттестата о среднем образовании. Преобладание женщин среди имеющих дипломы о высшем образовании в рамках постсоветского поколения пока не является статистически значимым, чего не скажешь о среднем специальном образовании — уровень, на котором женщины чуть ли не вдвое превосходят мужчин, что является продолжением и углублением тенденции, сложившейся еще среди представителей самой старшей возрастной когорты.

Общая более высокая образованность женщин по сравнению с мужчинами отличает Украину даже на фоне некоторых развитых западных стран, например Великобритании. Когортный анализ образовательных достиже-

ний, приведенный Г.Маршаллом и его коллегами [24, с. 108–109], свидетельствует о том, что во всех возрастных когортах с десятилетним интервалом, начиная с 20-х годов XX века, среди женщин доля с самым низким уровнем образования в полтора раза превышает соответствующую долю среди мужчин, а доля с самым высоким уровнем образования вдвое меньше, чем среди мужчин.

Социально-классовое происхождение и уровень полученного образования

Как отмечалось выше, в современном обществе образование для большинства индивидов играет роль опосредующего фактора социально-классового воспроизводства или социальной мобильности, когда класс принадлежности индивида отличается от класса происхождения. Результаты эмпирического исследования “Занятость населения Украины” дают возможность сравнить образовательные достижения респондентов разного социально-классового происхождения, которое определялось по классовой принадлежности отца, что является одним из общепринятых способов межпоколенческих сравнений в социологии. Социально-классовую принадлежность отца определяли по известной классовой схеме британского социолога Джона Голдторпа, общепризнанной среди европейских исследователей социально-классовой структуры и социальной мобильности. Опыт применения этой схемы есть и в Украине [25; 26]. Полученные эмпирические данные, учитывая поставленную цель выделения трех возрастных когорт, позволяют сравнивать образовательные достижения выходцев пяти из восьми имеющихся в адаптированной для Украины схеме социальных классов Дж.Голдторпа:

- I служебный класс высшего уровня (профессионалы, занятые высококвалифицированным умственным трудом — как самозанятые, так и наемные; руководители государственных органов власти, администраторы и менеджеры крупных промышленных предприятий; крупные частные собственники).
- II служебный класс низшего уровня (профессионалы низшего уровня квалификации властных и управленческих структур; администраторы и менеджеры небольших промышленных предприятий; руководители среднего уровня занятых нефизическим трудом наемных работников).
- VI класс квалифицированных рабочих физического труда в промышленности.
- VII класс полу- и неквалифицированных рабочих физического труда в промышленности.
- VIII класс полу- и неквалифицированные рабочие физического труда в сельском хозяйстве.

Для большей эмпирической достоверности результатов сравнения трех возрастных когорт социально близкие классы были объединены в три и условно названы как служебный, рабочий и рабочий сельскохозяйственный.

В таблице 4 и на соответствующем рисунке 1 представлены данные, характеризующие общие различия образовательных достижений респондентов 1930–1980 годов рождения, выходцев из разных социальных классов.

Таблица 4

**Уровни образования лиц 1930–1980 годов рождения
в зависимости от социально-классовой позиции отца**

Класс отца	Образование, %				N
	Неполное среднее	Среднее общее	Среднее специальное	Высшее (полное/неполное)	
I–II (служебный)	5,5	18,4	23,1	53,0	528
VI–VII (рабочий)	17,6	42,4	25,7	14,3	2191
VIII (рабочий сельскохозяйственный)	26,5	45,9	19,0	8,6	1318

Преимущества выходцев из класса служащих относительно получения высшего образования очевидны. С учетом представителей самого младшего, далекого от окончательного завершения образовательного процесса поколения, количество таких детей, уже достигших высшего уровня образования (53%), почти вчетверо превышает соответствующую долю среди выходцев из рабочего класса (14,3%) и вшестеро — среди выходцев из рабочего сельскохозяйственного (8,6%). Напротив, почти пятая часть детей рабочих и четверть детей рабочих в сельском хозяйстве в целом не достигают уровня полного среднего образования. Наименьший разрыв между детьми разного классового происхождения наблюдается только в плане среднего специального образования. На рисунке 1 соответствующие отметки расположены ближе всего.

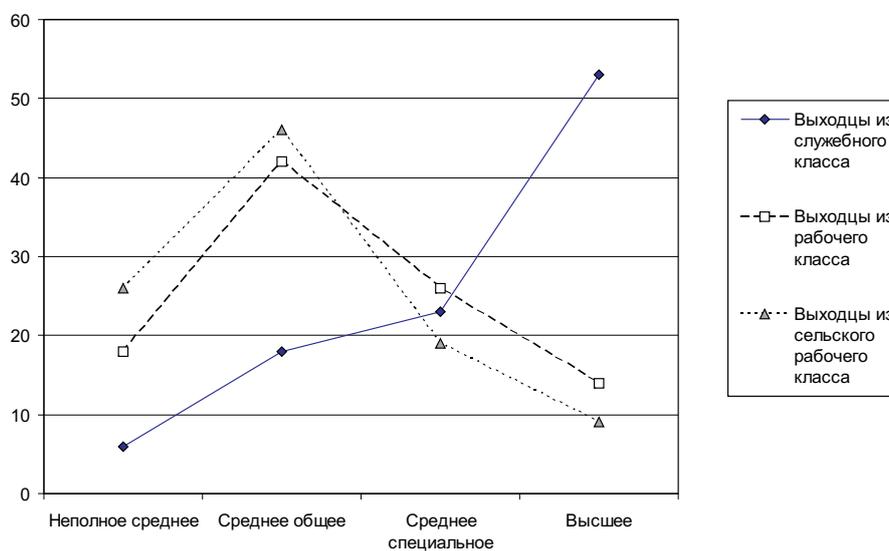

Рис. 1. Уровни образования в зависимости от классового происхождения среди лиц 1930–1980 годов рождения

Эта общая картина образовательных достижений выходцев из разных социальных классов скрывает существенные межпоколенческие различия, сопровождавшие весьма сложную политическую и экономическую исто-

рию развития нашей страны в течение XX века. Войны, индустриализация и модернизация экономики, воплощение в жизнь ряда основоположных принципов функционирования общества как социалистического и дальнейшие попытки перестройки общественных отношений на рыночно-капиталистических основаниях не могли не сказаться на образовательных достижениях представителей разных классов и поколений. Соответствующие эмпирические данные приведены в таблице 5.

Таблица 5

**Уровни образования в зависимости
от социально-классовой позиции отца в разрезе возрастных когорт**

Класс отца	Образование, %			
	Неполное среднее	Среднее общее	Среднее специальное	Высшее (полное/неполное)
Возрастная когорта: 1930–1949 г. р.				
I–II (служебный)	7,9	15,1	23,8	53,2
VI–VII (рабочий)	29,1	36,6	22,0	12,3
VIII (рабочий сельскохозяйственный)	42,3	32,2	15,8	9,7
Возрастная когорта: 1950–1972 г. р.				
I–II (служебный)	4,9	21,1	22,1	51,9
VI–VII (рабочий)	11,3	46,1	28,6	14,1
VIII (рабочий сельскохозяйственный)	12,9	56,3	22,2	8,6
Возрастная когорта: 1973–1980 г. р.				
I–II (служебный)	4,3	14,7	25,0	56,0
VI–VII (рабочий)	22,3	38,9	21,6	17,2
VIII (рабочий сельскохозяйственный)	23,0	58,0	16,0	3,0

Рассмотрим влияние социально-классового происхождения на получение каждого из выделенных четырех уровней образования как самого высокого для респондента/респондентки в зависимости от социально-классового происхождения и поколения.

Рисунок 2 иллюстрирует, как дети разного социально-классового происхождения завершали образование на уровне неполного среднего в разных возрастных когортах. Среди выходцев из служебного класса доля лиц с самым низким образованием постепенно сократилась с 8% до 4%. Гораздо более резкие изменения произошли среди выходцев из двух других классов, если сравнивать самое старшее и типичное советское поколения. Среди представителей последнего более чем вдвое (для выходцев из рабочего класса) и более чем втрое (для выходцев из рабочего сельскохозяйственного) уменьшилась доля лиц с самым низким уровнем образования. Однако эта позитивная динамика не сохранилась. Четко прослеживается противоположная тенденция для представителей постсоветского поколения, среди которого соответствующие доли наименее образованных людей опять начали возрастать. В этой негативной тенденции выходцы из рабочего сельско-

хозяйственного класса опережают своих сверстников из рабочего класса. Различия с предыдущим советским поколением статистически значимы для обоих классов. Однако в целом увеличение в постсоветском поколении количества тех, чей образовательный уровень ниже обязательного минимума (полное среднее общее), происходит преимущественно за счет детей, принадлежащих к промышленным и сельскохозяйственным рабочим классам по статусу занятости отца.

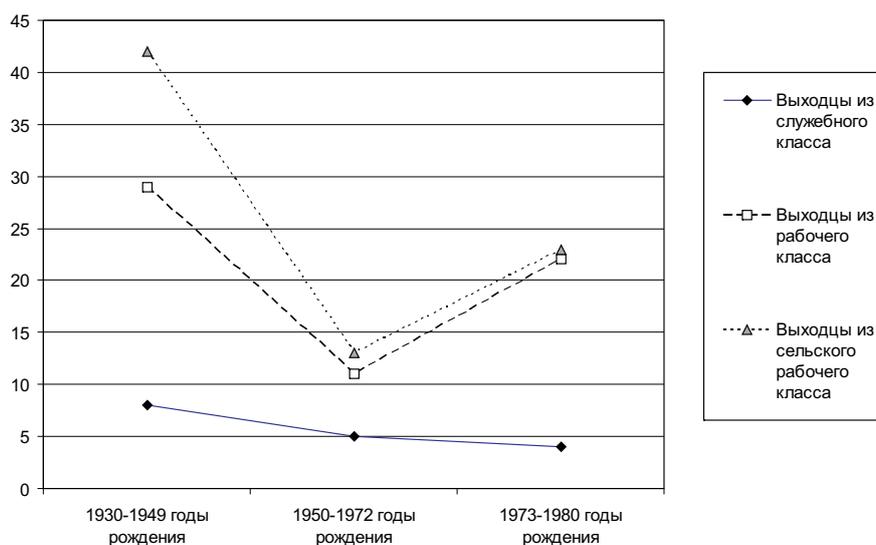

Рис. 2. Уровень неполного среднего образования (%) среди выходцев из разных классов, принадлежащих к определенным возрастным когортам

Динамика уровня среднего общего образования, обязательность которого закреплена в Украине законодательно, может иметь двоякую интерпретацию. Снижение этого уровня может свидетельствовать как об увеличении среди определенной категории количества лиц, не достигших этого образовательного уровня, так и об увеличении количества достигших высших, чем среднее общее, уровней образования (среднего специального и высшего). Представленная на рисунке 3 картина среднего общего образования в качестве высшего среди опрошенных обоих полов разного социально-классового происхождения демонстрирует уменьшение доли индивидов с таким уровнем образования среди детей из класса служащих в последнем постсоветском поколении, что (есть основания допускать) свидетельствует именно об увеличении для них возможностей достижения более высоких уровней образования. Доля выходцев из рабочего класса, получивших в качестве наиболее высокого среднего образование, среди типично советского поколения является наибольшей по сравнению с самой старой и постсоветской когортами. Уменьшение этой доли среди последней свидетельствует, очевидно, не об увеличении шансов на получение высших уровней образования, как мы увидим далее, а об увеличении количества получивших самый низкий уровень образования, зафиксированном на предыдущем рисунке. Среди детей, отцы которых заняты физическим сельскохозяйственным трудом, резко — чуть ли не вдвое — увеличилась доля лиц с полным

средним образованием в типично советском поколении, по сравнению с самым старшим. Для постсоветской когорты она остается примерно на том же уровне, что на фоне зафиксированного выше увеличения количества имеющих неполное среднее образование означает уменьшение количества людей, достигающих высших уровней образования.

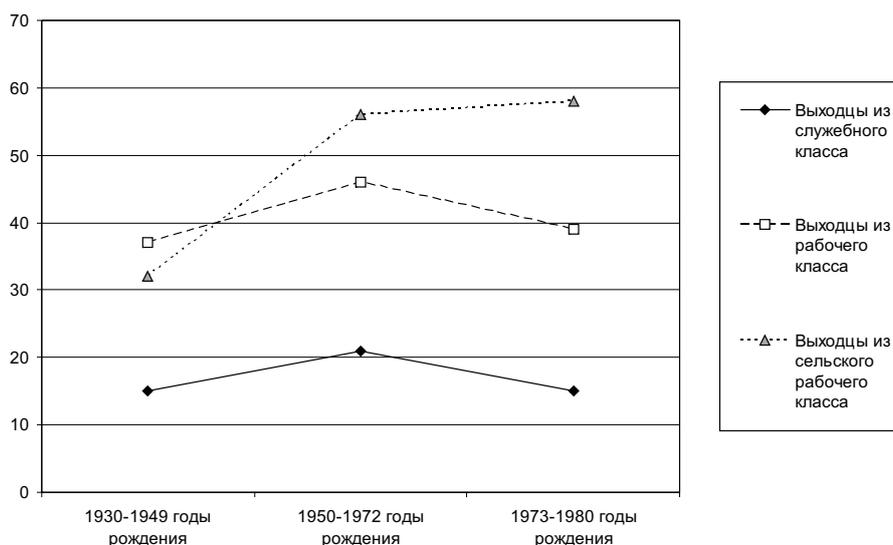

Рис. 3. Уровень общего среднего образования (%) среди выходцев из разных классов и возрастных когорт

В этой статье речь идет лишь об общих тенденциях образовательного неравенства среди выходцев из разных социальных классов. Тем не менее понятно, что даже в пределах одного образовательного уровня, например среднего общего, существует глубокая внутренняя дифференциация, если не сказать стратификация, выпускников общеобразовательных школ. Имеется в виду значительно углубившаяся в постсоветский период дифференциация доступа к знаниям и качественное отличие формально одинакового образования, полученного с окончанием сельской школы, обычной городской школы, престижного лицея, гимназии или частной школы. Общеобразовательные учебные заведения действительно обеспечивают качественно иной доступ к знаниям, опосредованный наличием и квалификацией учителей, качественными учебниками и библиотеками, доступом к электронным ресурсам информации и сети Интернет, дополнительными источниками знаний, каковыми являются музеи, кружки, клубы, учебные фильмы, репетиторы и т.п. Нет сомнения в том, что соответствующие исследования в определенной мере обнаружили бы классовый характер внутренней дифференциации формально одинакового уровня образования. Фактически на уровне обязательного общего среднего образования происходит сегрегация выпускников школ, когда для одних, учитывая, в частности, культурно-образовательный уровень и материальное положение их родителей, «открываются» двери высших учебных заведений, а для других — они «закрываются» чуть ли не навсегда. Если социальная дифференциация детей и подростков на уровне получения среднего образования останется неизменной или бу-

дет углубляться, вряд ли имеет смысл поднимать вопрос о равном доступе к высшему образованию, если даже преодолеть коррупцию и создать условия для максимально объективной оценки знаний абитуриентов.

Если посмотреть на все четыре рисунка, демонстрирующих классовый характер соответствующих уровней образования, то именно на 3-м (уровень среднего специального образования) линии трех классов оказываются относительно наиболее близкими. Этот рисунок единственный, на котором отражена “встреча” выходцев из класса служащих и рабочего сельскохозяйственного класса в одной точке образовательного пространства: равными оказались доли выходцев из этих классов в постсоветском поколении, получивших среднее специальное образование. Дальше от этой точки (1950–1972 годы рождения) линии выходцев из двух указанных классов снова разошлись с еще большим разрывом между количеством достигших уровня среднего специального образования в постсоветской когорте, чем среди представителей более старшего поколения. Однако в целом среднее специальное образование, по сравнению с высшим, скорее всего в гораздо большей степени было доступным для выходцев из всех классов. Хотя для постсоветского поколения ситуация становится менее благоприятной. Речь идет о детях, отцы которых заняты физическим и сельскохозяйственным трудом и которые статистически значительно реже, по сравнению с предыдущей когортой, получают дипломы о среднем специальном образовании.

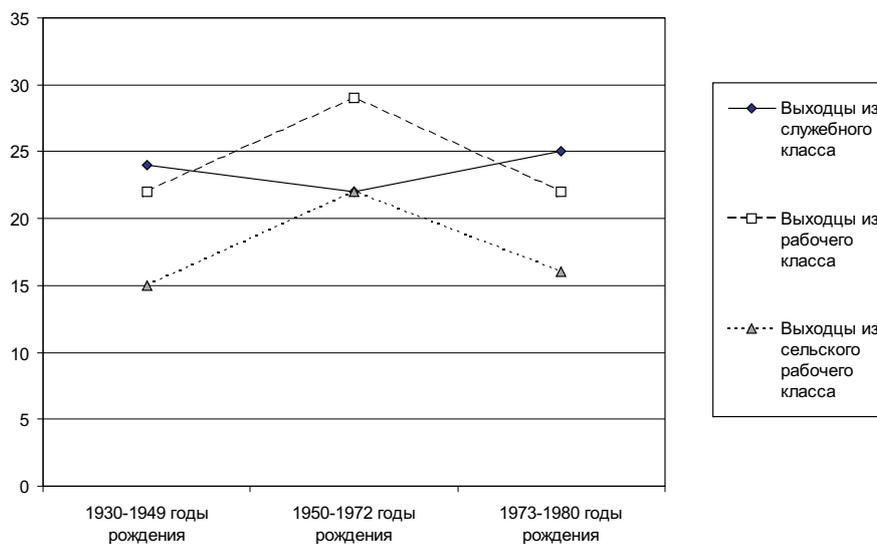

Рис. 4. Уровень среднего специального образования (%) среди выходцев из разных классов, принадлежащих к определенным возрастным когортам

Рисунок 5 иллюстрирует глубокий социальный разрыв между детьми разного классового происхождения в плане возможностей получения высшего образования. Этот разрыв больше напоминает пропасть, которая в течение жизни трех поколений практически не уменьшалась, а в самой молодой когорте между выходцами из класса служащих и рабочего сельскохозяйственного класса даже ощутимо увеличилась. Так, если для самой старшей когорты разница между долями имеющих высшее образование среди

выходцев из класса служащих и сельскохозяйственного рабочего класса составляла 43,5% в пользу первого, то для представителей самого молодого поколения она увеличилась до 52,6%. Возможности получения высшего образования для детей рабочих от поколения к поколению несколько расширились, однако существенных изменений не происходит. Эмпирические данные убедительно демонстрируют, что в советском обществе возможности получения высшего образования для выходцев из разных социальных классов оставались далекими от идеологически постулируемого равенства. Постоянное увеличение количества мест в высших учебных заведениях, что особо характерно для независимой Украины, также вовсе не означает выравнивания возможностей и увеличения шансов на получение высшего образования для всех, независимо от социально-классового происхождения.

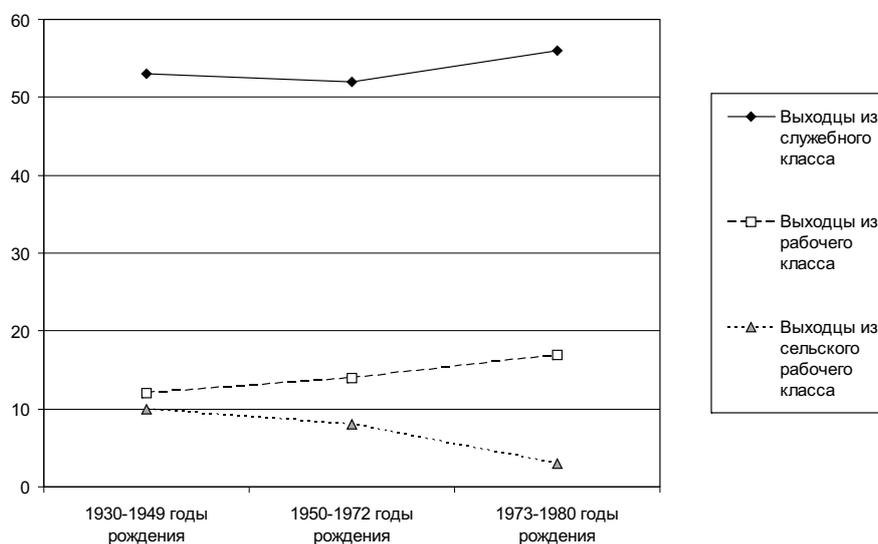

Рис. 5. Уровень высшего образования (%) среди выходцев из разных классов и возрастных когорт

Напротив, для выходцев из сельской местности социальные условия получения высшего образования явно ухудшились. И происходит это на фоне вынужденного возврата государства к политике позитивной дискриминации относительно сельской молодежи. Именно касательно ее, единственной достаточно большой социальной категории, в постсоветской Украине на высшем государственном уровне были приняты решения относительно содействия получению высшего образования. Осмелюсь предположить, что толчком к этому послужило не желание уменьшить образовательное неравенство между выходцами из разных социальных классов, а вставшая перед руководством государства сложная проблема заполнения все большего количества вакансий специалистов с высшим образованием в сельской местности, население которой практически не уменьшилось, по сравнению с предыдущей Всесоюзной переписью 1989 года и составляет около трети общего количества населения страны. Поэтому для выполнения Указа Президента Украины от 19 марта 1999 года «О государственной поддержке подготовки специалистов для сельской местности» Кабинет Министров Украины принял по-

становление от 29 июня 1999 года “О подготовке специалистов для работы в сельской местности”. Этим постановлением предусмотрено установление квот для подготовки специалистов для агропромышленного комплекса, железнодорожного транспорта и социальной сферы сельской местности в высших учебных заведениях. Установленная квота не должна превышать 75% объемов государственного заказа на подготовку специалистов по каждой специальности в высших сельскохозяйственных, 50% — в высших педагогических и в высших учебных заведениях железнодорожного транспорта и 25% — в других высших учебных заведениях [27]. Правда, данная льгота теоретически делает возможным получение высшего образования только по специальностям, применимым в условиях сельской жизни. Если же какому-то ребенку родителей-крестьян захочется стать астрономом, физиком, социологом, летчиком, банкиром или специалистом по десятку других высококвалифицированных урбанизованных занятий, ему придется конкурировать с городскими сверстниками без всяких льгот на основе всем очевидного неравенства стартовых условий, качества полученного среднего общего образования, накопленного культурного капитала, доступа к цифровым информационным ресурсам и с практически заранее известным результатом этой конкуренции. Поэтому обращаясь к позитивной дискриминации, действительно ли государство заботится о доступе сельской, преимущественно малообеспеченной молодежи к высшему образованию или же печется о решении собственных проблем, всячески избегая внедрения и распространения других средств выравнивания образовательных возможностей выходцев из сельской местности и других малообеспеченных слоев населения?

К сожалению, автору не удалось найти точной и полной информации о степени выполнения начиная с 2000 года указанного постановления Кабинета Министров Украины и подтвердить либо опровергнуть эффективность политики позитивного воздействия в виде квотирования для расширения возможностей получения высшего образования для сельской молодежи. Некоторые сомнения возникают на основе, например, того, что по данным самого Министерства образования и науки с 2000 года квота целевого приема составляла по высшим учебным заведениям Министерства образования и науки Украины 2,7 тыс. человек [20]. А по данным Государственного комитета статистики Украины, в 2000/2001 учебном году в высшие учебные заведения III–IV уровней аккредитации всего было принято 346,4 тыс. студентов [19]. От этого количества указанная квота составляет менее одного процента. Думаю, что даже от общего количества объемов государственного заказа она не превышала нескольких процентов. В бюллетене Счетной палаты Украины 2004 года “О результатах проверки, планировании и использовании средств Государственного бюджета Украины на подготовку и повышение квалификации медицинских работников высшими учебными заведениями III–IV уровней аккредитации” отмечается, что — в нарушение п. 7 Порядка установления квоты подготовки специалистов для агропромышленного комплекса и социальной сферы сельской местности в высших учебных заведениях — облгосадминистрациями и высшими учебными заведениями не проводится профориентационная работа среди сельской молодежи и не осуществляется ее подготовка к вступительным экзаменам. В итоге в высшие учебные заведения, подчиненные Министерству здравоохранения, зачислено всего 10% и 12% сельской молодежи на основе выданных облгосадминистрациями направлений в 2002 и 2003 годах соответственно [28]. При этом количество ва-

кансий врачей, обслуживающих сельское население, например, в Волынской, Ривненской и Львовской областях колеблется от ста до четырехсот. Опосредованные данные свидетельствуют о том, что принятое на высшем государственном уровне решение, призванное способствовать расширению доступа к высшему образованию сельской молодежи, пока не выполняется в полном объеме самими же представителями государства.

Квоты как воплощение политики позитивной дискриминации относительно получения образования обычно вызывают в обществе неоднозначное отношение и крайне редко используются, хотя проблема привлечения в высшие учебные заведения молодежи из малообеспеченных слоев населения остается актуальной и для развитых демократических стран. Наряду с мерами, направленными на максимальное выравнивание доступа к разнообразным информационным ресурсам, качества среднего образования и стартовых условий, формирование прозрачной и объективной системы отбора в высшие учебные заведения, вводится также максимально доступное государственное льготное кредитование обучения, система грантов и стипендий для одаренных детей любого социального происхождения, предоставление государством дополнительных финансовых средств тем университетам, которые разрабатывают специальные программы привлечения студентов среди малообеспеченной молодежи, как это сейчас активно вводится, например, в Великобритании [29; 30]. Квалифицированные специалисты по образовательной политике могли бы предложить ряд других мер, внедрение которых гораздо больше повлияло бы на выравнивание образовательных возможностей, нежели квоты.

Таким образом, в постсоветском поколении самые высокие шансы детей-выходцев из класса служащих на получение самого высокого уровня образования, по сравнению с предыдущей возрастной когортой, не только сохранились, но и значительно увеличились. Дальнейшее развитие нашего общества в направлении превращения в индустриально-информационное будет означать постоянное увеличение количества рабочих мест, требующих высшего образования. Если обнаруженные тенденции сохранятся, то приоритетные шансы на занятие таких вакансий будут иметь дети высокообразованных родителей, предпринимателей и управленцев, а шансы других в лучшем случае останутся такими же, а в худшем — будут непрерывно уменьшаться, что в дальнейшем будет углублять социальное неравенство.

В целом можно констатировать, что для представителей типичного советского поколения 1950–1972 годов рождения, по сравнению со старшим поколением, влияние классового происхождения на образовательные достижения несколько уменьшилось, произошло некоторое, однако не кардинальное выравнивание возможностей получения разных уровней образования выходцами из всех выделенных социальных классов. Однако данная тенденция не сохранилась в постсоветский период существования украинского общества. Для самого молодого поколения влияние социально-классового происхождения на образовательные достижения усилилось, реализовавшись в более благоприятных возможностях избежать “остановки” на низших уровнях образования и для достижения высших уровней для выходцев из класса служащих и менее благоприятных — для выходцев из рабочего класса, особенно занятых физическим трудом в сельском хозяйстве. Социальная база воспроизводства высших образовательно-квалификационных уровней сужается, а возможности выходцев из высокообразованной социальной среды в

плане воспроизводства социально-классовой принадлежности родителей и получения соответствующих социальных статусов возрастают.

На основании анализа эмпирических данных полностью подтверждаются высказанные предположения об углублении образовательного неравенства среди выходцев из разной социальной среды и разных поколений. В постсоветский период существования украинского общества происходит углубление процесса поляризации уровней образования, то есть увеличивается количество индивидов на полюсах образовательной иерархии (неполное среднее и высшее образование). Наблюдается постепенное замедление обменной (циркулирующей) образовательной мобильности между выходцами из разных социальных слоев общества. Институт образования ныне вряд ли можно считать фактором обеспечения равенства возможностей, меритократичности процесса воспроизводства неравенства. Эту функцию он утрачивает. Вместе с тем институт образования превращается в фактор закрепления существующего неравенства и социальной закрытости высокообразованных и низкообразованных сообществ, что в перспективе может иметь негативные последствия для общества, превратив образовательное, а через него и социальное неравенство в наследуемое. В период социальных трансформаций роль образования как фактора социального воспроизводства усилилась и соответственно ослабла роль образования как социального лифта. Высокообразованные и высокостатусные социально-классовые категории получают больше возможностей для использования образования как механизма социального воспроизводства, социальной иммобильности своих детей, принадлежности их к тем же классовым категориям, что и родители. Напротив, возможности малообразованных и низкостатусных классовых категорий использовать образование в качестве механизма социальной мобильности для своих детей уменьшаются, вследствие чего процессы циркулирующей социальной мобильности замедляются.

По мнению специалистов Всемирного банка, осуществивших всесторонний анализ системы образования стран региона Европы и Центральной Азии, включая Украину, на государственном уровне в этих странах пока не сформировалось четкого осознания потерь, которые несет в себе для будущих поколений отсутствие равных возможностей получения образования. Многие страны региона пока серьезно не столкнулись с этой проблемой. Однако опасность заключается в том, что данная проблема может обостриться в регионе прежде, чем созреет понимание необходимости разработки соответствующих мер и решений. Рынки не способны самостоятельно разрешить вопрос отсутствия равных возможностей в образовании. Решение этих проблем — компетенция государственного сектора [11]. Последнее подчеркивают и российские исследователи, анализируя ситуацию в стране, где развитие рыночных отношений в системе высшего образования привело к тому, что доступность стала определяться исключительно платежеспособностью абитуриента или студента. В такой ситуации у способного, но необеспеченного абитуриента очень мало шансов подняться по социальной лестнице, используя систему высшего образования. Это приводит к тому, что «система высшего образования начинает обслуживать только богатых людей... Практика развития образовательных систем за границей показывает, что рынок, разрешая проблему эффективности, обычно усиливает значение проблемы доступности образования. Увеличение доступности высшего образования — это ключевая проблема государственного регулирования»

[31, с. 49]. Если обратиться к принятой в Украине в 2002 году Национальной доктрине развития образования [32], то может сложиться впечатление об отсутствии на государственном уровне четкого понимания угрозы потерь для будущих поколений от недостатка равных возможностей получения образования, поскольку первым шагом в разделе о равном доступе к получению качественного образования названо внедрение эффективной системы информирования общественности о возможностях получения высшего образования. Вряд ли все это в совокупности с другими указанными в доктрине мерами сможет кардинально изменить систему образовательного неравенства, которая уже сложилась и воспроизводится в Украине.

Сужение доступа определенных социально-классовых категорий к высшим уровням образования фактически означает сужение благоприятной социальной перспективы, отлучение индивидов от основного канала социальной мобильности в современном обществе. Сохранение эмпирически подтвержденных тенденций (а без эффективной социальной политики они неминуемо сохраняются) противоречит неоднократно провозглашавшейся цели превращения Украины, с одной стороны, в демократическое, социально ориентированное, экономически процветающее общество и, с другой — в общество, основанное на знаниях (*knowledge-based society*). Безусловно, целый ряд факторов и механизмов — от экономических до личностных — “отвечают” за постоянное воспроизводство образовательного неравенства, глубокой зависимости образовательных достижений от социально-классового происхождения. Готово ли наше общество эти факторы и механизмы признавать, выявлять, изучать и соответствующим образом учитывать при формировании социальной и образовательной политики? Не ожидает ли нас очерченная Ульрихом Бекком грозная перспектива превращения института образования в стену гетто, за которой навсегда изолируются низшие статусные группы со всеми вытекающими последствиями?

Хотелось бы избежать такой перспективы, а также дождаться времени, когда политика украинской власти в области образования, все программы и национальные доктрины развития последней будут основываться на соответствующих профессиональных мониторинговых исследованиях, чтобы каждый последующий ответственный за сферу образования в правительстве чиновник мог убедить себя и общество в том, что рост показателя численности студентов действительно означает расширение доступа к высшему образованию для всех, независимо от социального происхождения.

Литература

1. *Рощина Я.М.* Доступность высшего образования: по способностям или по доходам // Университетское управление. — 2005. — № 1. — С. 69–79.
2. *Доманьский Х.* Отбор по социальному происхождению в среднюю школу и высшие учебные заведения // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2005. — № 2. — С. 24–47.
3. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. — М., 2005.
4. *Ishida H., Muller W., Rider J.* Class Origin, Class Destination, and Education: A Cross-National Study of Ten Industrial Nations // *American Journal of Sociology*. — 1995. — Vol. 101. — № 1. — P. 145–193.
5. *Breen R., Luijckx R.* Conclusions // *Social Mobility in Europe*. — N. Y., 2004. — P. 383–410.
6. *Jonsson J.* Equality at a Halt? Social Mobility in Sweden, 1976–1999 // *Social Mobility in Europe*. — N. Y., 2004. — P. 225–250.

7. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. — М., 2000.
8. Сакс П. Классовое неравенство: фикция эгалитарного общества // Социология образования. — 2005. — № 5. — С. 54–58.
9. Матежу П., Руханова Б., Симонова Н. Культурные и социально-экономические корни неравенства возможностей получения высшего образования в Чешской Республике (1948–1999) // Социология образования. — 2004. — № 8. — С. 50–52.
10. Образование как фактор социальной дифференциации и мобильности (“круглый стол”) // Социологические исследования. — 2003. — № 5. — С. 89–100.
11. Образование в странах с переходной экономикой: задачи развития : Доклад Всемирного банка. — Вашингтон, 2000. — <http://ecsocman.edu.ru>.
12. Мкртчян Г.М. Стратификация молодежи в сферах образования, занятости и потребления // Социологические исследования. — 2005. — № 2. — С. 104–113.
13. Ключарев Г.А., Кофанова Е.Н. О динамике образовательного поведения состоятельных и малоимущих россиян // Социологические исследования. — 2004. — № 11. — С. 116–122.
14. Шишкин С.В. Доступность высшего образования для населения России: что показывают результаты исследований // Университетское управление. — 2005. — № 1. — С. 80–88.
15. Новиков А. Школа и новый класс эксплуататоров // Социология образования. — 2005. — № 4. — С. 47–50.
16. Руткевич О. Вища освіта: “доступна” та/або “платна”? // Вища школа. — 2005. — № 5. — С. 104–112.
17. Всеукраїнський перепис населення 2001. — www.ukrcensus.gov.ua.
18. Лібанова Е., Палій О. Ринок праці та соціальний захист. — К., 2004.
19. Дані державного комітету статистики України. — www.ukrstat.gov.ua.
20. Загальні відомості про вищу освіту в Україні / Міністерство освіти і науки України — офіційний сайт. — www.mon.gov.ua.
21. Ніколаєнко С. Вища освіта і наука — найважливіші сфери відповідальності громадянського суспільства та основа інноваційного розвитку // Вища школа. — 2005. — № 1. — С. 13–30.
22. Система освіти в Україні: стан та перспективи розвитку // Національна безпека і оборона. — 2002. — № 4. — С. 3–35.
23. Рівень освіти населення України: За даними Всеукраїнського перепису населення 2001 р. / Державний комітет статистики України / За ред. О.Г.Осауленко. — К., 2003.
24. Marshall G., Sift A., Roberts S. Against the Odds? Social Class and Social Justice in Industrial Societies. — Oxford, 1997.
25. Makeев С.А., Прибыткова И.М., Симончук Е.В. и др. Подвижность структуры. Современные процессы социальной мобильности. — К., 1999.
26. Классовое общество. Теория и эмпирические реалии. — К., 2003.
27. Постанова Кабінету Міністрів України “Про підготовку фахівців для роботи в сільській місцевості” від 29 червня 1999 р. — www.kmu.gov.ua.
28. Про результати перевірки, планування та використання коштів Державного бюджету України на підготовку і підвищення кваліфікації медичних працівників вищими навчальними закладами III–IV рівнів акредитації. — www.ac-rada.gov.ua.
29. Вільямс Э. Открыть дверь образованию // Социология образования. — 2004. — № 9. — С. 14–16.
30. Робертсон Д., Хиллман Дж. $\text{\textcircled{D}}\text{\textcircled{I}}\text{\textcircled{N}}\text{\textcircled{R}}\text{\textcircled{E}}\text{\textcircled{D}}\text{\textcircled{L}}\text{\textcircled{I}}\text{\textcircled{C}}\text{\textcircled{I}}\text{\textcircled{M}}\text{\textcircled{N}}\text{\textcircled{N}}\text{\textcircled{E}}\text{\textcircled{D}}\text{\textcircled{E}}\text{\textcircled{O}}\text{\textcircled{+}}\text{\textcircled{L}}\text{\textcircled{I}}\text{\textcircled{C}}\text{\textcircled{+}}\text{\textcircled{A}}\text{\textcircled{U}}\text{\textcircled{N}}\text{\textcircled{I}}\text{\textcircled{L}}\text{\textcircled{A}}\text{\textcircled{I}}\text{\textcircled{A}}\text{\textcircled{D}}\text{\textcircled{F}}\text{\textcircled{C}}\text{\textcircled{I}}\text{\textcircled{A}}\text{\textcircled{R}}\text{\textcircled{I}}\text{\textcircled{E}}\text{\textcircled{+}}\text{\textcircled{N}}\text{\textcircled{D}}\text{\textcircled{L}}\text{\textcircled{A}}\text{\textcircled{C}}\text{\textcircled{+}}\text{\textcircled{A}}\text{\textcircled{U}}\text{\textcircled{D}}\text{\textcircled{I}}\text{\textcircled{A}}\text{\textcircled{L}}\text{\textcircled{A}}\text{\textcircled{C}}\text{\textcircled{I}}\text{\textcircled{A}}\text{\textcircled{S}}\text{\textcircled{I}}\text{\textcircled{E}}\text{\textcircled{S}}$. — www.management.edu.ru/db/msg/216302/6.pdf.html.
31. Кликунов Н.Д., О कोरोков В.М. Рынок и доступность высшего образования // Университетское управление. — 2005. — № 1. — С. 47–49.
32. Указ Президента України “Про національну доктрину розвитку освіти” від 17 квітня 2002 року. — www.studyport.com.ua.